
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОМПОЗИЦИОННОГО СИНТАКСИСА

Д. Г. Богушевич

Минский государственный лингвистический университет

Основная идея композиционного синтаксиса состоит в признании того, что предложение, как и любое знаковое образование, имеет как сигнификативную, так и денотативную область семантики. Само по себе это положение не ново. Можно вспомнить противопоставление *значения* и *значимости*, введенное Ф. де Соссюром, знаковый треугольник Огдена – Ричардса и многие другие концепции. Однако, как правило, это раздвоение семантики не распространяется на предложение как знак. Насколько нам известно, единственным исключением из этого является знаковая концепция Г. Фреге, который распространил противопоставление смысла и значения на все знаковые образования, в том числе и предложение.

В последние десятилетия, особенно в советской лингвистике, эта идея также получила широкое распространение. Однако, как правило, сигнификативный и денотативный аспекты считаются изоморфными, т. е. структурно совпадающими [1; 2]. Это противопоставление проникло практически во все синтаксические теории, однако во всех этих теориях сигнификат и денотат предложения предстают как близнецы или же как иерархически зависимые структуры, поскольку они полностью и без остатка трансформируются друг в друга.

Однако именно этот изоморфизм, или же полная трансформируемость друг в друга, вызывает сомнения. Причин для сомнений две. Первая причина связана со знаковой функцией предложения. Мы исходим из того, что знаковая функция предложения состоит в моделировании некоторой ситуации [3; 4]. Это означает, что предложение по сути своей должно быть отношением семантических элементов, каким-то образом связанным с другим отношением, существующим в другой ситуации. Но сущность модели состоит в том, что, во-первых, она отражает далеко не все отношения, существующие между элементами ситуации, во-вторых, она отражает эти отношения *иным* способом [3]. В таком случае тезис об изоморфизме сигнификативного и денотативного аспектов в семантике предложения оказывается под вопросом.

Вторая причина связана с известным фактом произвольности знака. Как доказал еще Ф. де Соссюр, тело знака произвольным образом связывается со своим означаемым. Следовательно, знаковая связь означающего и означаемого представляет собой локковскую ассоциацию, или, более

конкретно, условный рефлекс, по И. И. Павлову. В то же время, как показал Н. Хомский, данное положение не применимо к предложению, поскольку форма такого знака как предложение не дана нам в прямом наблюдении и не повторяется достаточно часто, чтобы сформировать условные рефлексы. В таком случае возникает вопрос, каким образом мы понимаем предложения. Не отдельные слова, а именно предложения. Н. Хомский предположил, что для этого служат врожденные асемантические структуры, названные им ядерными. И действительно, для того, чтобы предложение было понято общающимся в условиях невозможности формирования условного рефлекса, необходимо, чтобы у обеих сторон было какое-то средство, какая-то процедура единообразной интерпретации возможных связей поступающих сигналов. Именно эту функцию и должны выполнять ядерные (глубинные) структуры Н. Хомского. Несмотря на эксплицитные утверждения Н. Хомского об асемантичности этих структур, они, во-первых, являются *семантической* интерпретацией формы предложения, во-вторых, сам их состав, даже в интерпретации Хомского, несомненно, семантичен, поскольку ядерные структуры состоят из *именной* и *глагольной* фраз. При этом следует помнить, что функция этих структур состоит в образовании формы для передачи содержания и поэтому не может быть жестко привязана к какому-либо определенному содержанию.

Если бы эти структуры были привязаны каждая к определенной ситуации и тогда, и только тогда, могли бы изоморфно отражать ее, то либо набор этих структур был бы чрезвычайно обширен, либо все множество ситуаций оказалось бы невыраженным. Более того, возникли бы непреодолимые трудности при необходимости отразить какую-либо новую, не известную нам до того ситуацию.

Тем не менее ни того, ни другого не происходит. Число глубинных структур очень невелико, и мы в состоянии описать любую, даже не известную до того ситуацию. Отсюда следует только один вывод: структура, которая используется для семантической интерпретации предложения, в принципе не может быть изоморфной структуре отражаемой ситуации.

Поскольку ядерные структуры представляют собой сигнификат предложения, а ситуации являются денотатом предложения, они не могут быть структурно изоморфны или иерархически связаны.

Но тогда возникает вопрос о том, что связывает сигнификат предложения с его денотатом, если эти структуры независимы. В этом случае необходимо обратить внимание на состав предложения, т. е. на его лексический состав. Каждое слово, также будучи знаком, имеет сигнификативный и денотативный аспекты значения. Денотативный аспект указывает на то, что называется словом, вводит его в то, что называется тематической группой, осуществляя таким образом референцию к денотативным структурам. Следовательно, лексический состав предложения осуществляет связь между сигнификатом предложения, т.е. структурой, пред-

назначенной для передачи знаний (с позиций говорящего) и интерпретации сигнала (с позиции слушающего) с денотативными областями, т. е. структурами наших знаний о мире.

Сказанное является основой композиционного синтаксиса. Это утверждение позволяет объяснить семантическую структуру предложения и, кроме того, многие факты поведения как лексических элементов, так и структуры всего предложения, которые только признаются, регистрируются, но не объясняются в рамках иных теоретических концепций. Кроме того, это же утверждение позволяет широко использовать идеи, методики анализа и концептуальные установки различных теоретических направлений, поскольку из приведенного утверждения следует, что различные, в том числе и конфликтующие теории могут быть верны, так как они соотносятся с разными сторонами семантической структуры предложения.

Замечания об основных понятиях композиционного синтаксиса. Выше уже говорилось о том, что в композиционной модели широко используются идеи и термины иных теорий. Такое положение может вызвать недоумение читателя. Поэтому уже сейчас необходимо сделать некоторые замечания и предостеречь его от некоторых поспешных заключений.

Первое замечание состоит в том, что ни один потенциальный термин не должен считаться таковым, пока он не будет эксплицитно определен. До этого терминоподобное слово употребляется в довольно общем и приблизительном значении.

Однако четыре ключевых термина необходимо уточнить в самом начале, поскольку от них зависит адекватное понимание всего следующего текста. Это *предложение*, *пропозиция*, *ситуация* и *эмпатия*.

Предложение. Этим термином обозначается, согласно В. В. Виноградову, синтаксическая структура, обладающая предикативностью, т. е. способность соотнесения содержания высказывания с действительностью (или модусом и диктумом, согласно Ш. Бали).

В этой публикации термин *предложение* имеет более узкий объем. Он означает только 'содержание высказывания, которое соотносится с действительностью'. Это означает, что предложение здесь рассматривается как модель некоторой *ситуации* [3; 4], темпоральные, коммуникативные и модальные различия предложений считаются irrelevantными, они образуют варианты, которые рассматриваются как представители одного предложения.

Пр о п о з и ц и я. Этим термином обозначается структура сигнификативного аспекта семантики предложения. Семантические признаки пропозиции возникают в результате противопоставления ее другим пропозициям. Таким образом, значение пропозиций целиком определяется системой, в которую они входят. Поскольку пропозиции образуют единую систему, каждая из них обладает своим спектром трансформационных возможностей (трансформационной парадигмой). Трансформационная парадигма дает

возможность определить, какая именно пропозиция реализована в данном предложении, состав пропозиции и функциональные характеристики элементов предложения, в которых воплощены аргументы пропозиции.

Будучи логической структурой, пропозиция состоит из предиката и аргументов. Предикат определяет состав и функции аргументов. Точнее, пропозиция, являясь отношением аргументов, определяет выбор имени для этого отношения, но поскольку мы можем наблюдать именно имена предикатов, то такое определение их функций позволяет по их характеру выявить структуру пропозиции.

С и т у а ц и я. Этим термином обозначается структура денотативного аспекта семантики предложения. Ситуация представляет некоторую денотативную область, которая и является моделью некоторого фрагмента действительности, отраженного в предложении. Ее структура определяется нашим знанием мира и, по сути, является тем, чем мир представляется нам. Мы предполагаем, что ситуация лежит в основе того, что обычно называется семантическим полем, связывая его элементы отношениями, которые его конституируют.

Э м п а т и я. Этот термин применяется для обозначения механизма согласования пропозициональной (сигнификативной) и ситуативной (денотативной) структур семантики предложения. Действие механизма состоит в определении выбора элемента ситуации, который должен занять первую аргументную позицию в пропозициональной структуре. Этот выбор определяет ту часть денотативной области, которая отражается пропозицией предложения. Возможные же варианты выбора определяются структурой самой ситуации и отношениями между пропозицией и ситуацией.

Типология пропозиций. Ю. С. Степанов [5] определил пропозицию как то, что остается неизменным в предложении при всех возможных трансформациях. И хотя это не определение (там же Ю. С. Степанов дал иное, уже сущностное, определение пропозиции), а инструкция по обнаружению в предложении пропозиции, оно тем не менее четко указывает на то, что пропозиция есть семантическая *структура*. Согласно определению понятия *трансформация*, неизменным в предложении при всех возможных его преобразованиях остается лексический состав. Но лексический состав существует и до предложения, в словосочетании на том этапе, который А. Н. Дмитриев [6] удачно назвал предфункциональным. Следовательно, в предложении существует еще что-то, что неуничтожимо, неизменно или, говоря технически, инвариантно. Этим *что-то* могут быть только необходимые, а потому предполагаемые и, как следствие, не обязательно формально отражаемые *отношения* между словами, которые как-то связаны с отражением чего-то вне предложения, составляя то, что В. В. Виноградов назвал «содержанием высказывания».

Если связи в структуре денотата мы не можем исчислить, поскольку они являются отражениями внешнего мира, то способы отражения, т. е. пропозиции, полностью зависят от нас и их можно вывести дедуктивно, постулировав те характеристики, которые у них должны быть.

Пропозиции, как нам известно из логики, образованы аргументами (термами) и отношениями между ними. Поскольку функции аргументов задаются отношениями, а отношения именуются предикатами, класс отношений можно определить исходя из классов предикатов. Классификация предикатов (как правило, глаголов) производилась много раз. Однако все они, включая и наиболее общие, опирались на то, что здесь названо денотатом (например, классификация В. В. Мартынова [7], М. И. Лещенко [8], Г. Г. Сильницкого [9], У. Чейфа [10] и мн. др.). Эти классификации можно (и нужно) использовать для моделирования денотативного аспекта семантики предложения, однако для классификации предикатов пропозиции они не применимы именно в силу своей денотативной направленности.

Для классификации пропозиций необходимо определить свойства, независимые от отношений вещей, и наиболее общие, которые можно было бы приписать любой ситуации и, соответственно, любой денотативной области.

Если мы посмотрим на наиболее обобщенную классификацию предикатов, предложенную В. В. Мартыновым и включающую только два класса – информационные и физические, – то обнаружим, что многие предикаты, принадлежащие разным классам, образуют идентичные по структуре предложения. Так, предложения с информационным глаголом *to tell* и предложения с физическим глаголом *to give* имеют одинаковые пропозициональные структуры. То же можно сказать и о предложениях с информационным глаголом *to mean* и физическим *to contain*, и о паре *to equal* и *to resemble*.

Деление глаголов на информационные и физические относится не к глаголам как таковым, а к их лексико-семантическим вариантам, значениям. Так, *to give* в некоторых значениях должен входить в класс информационных: *It gave us much pain to listen to his words* [11, с. 584].

В то же время структуры предложений с указанными глаголами остаются теми же в любых значениях. Это означает, что в этих предложениях то, что определяет их строение, не зависит от денотативной отнесенности самого предложения и связано именно с означающей, сигнификативной стороной предложения.

Предложения с глаголами *to tell* и *to give* отличаются от прочих тем, что в них можно вставить указание на временные параметры отношения, названного этим глаголом: *He suddenly told me: "Stop it!" – He suddenly gave me a surprised look.*

В предложениях же с другими глаголами подобная операция невозможна. Следовательно, в одних предложениях отношение аргументов развивается во времени и является динамическим. В других предложениях такого развития нет, и отношения в них статичны.

Предложения с глаголами *to equal* и *to resemble* отличаются тем, что в них аргументы можно поменять местами. При этом исходное и полученное предложения верны. Кроме того, истинность (ложность) одного предложения приводит к обязательной истинности (ложности) другого. Иными словами, аргументы в этих пропозициях эквиваленты и, следовательно, отношение в них не имеет направления. В предложениях с другими глаголами такой перестановки произвести нельзя. Аргументы в них не эквивалентны, отношения направлены.

Таким образом, можно заключить, что основными характеристиками отношений в структуре пропозиций признаем: 1) оппозицию динамики–статики; 2) оппозицию направленности–ненаправленности. Их пересечение дает четыре класса пропозиций.

1. Динамические направленные. Предложения с этими пропозициями допускают введение в них обстоятельств образа действия, называющих развитие (временных параметров и приложения усилий), но перемена мест аргументов (первого и второго) запрещена. Этот класс пропозиций лежит в основе наиболее часто используемых предложений.

2. Статические направленные. Предложения с этими пропозициями не допускают ни введения динамических обстоятельств, ни перестановки первого и второго аргументов.

3. Статические ненаправленные. Отличаются от второго класса возможностью перестановки первого и второго аргументов.

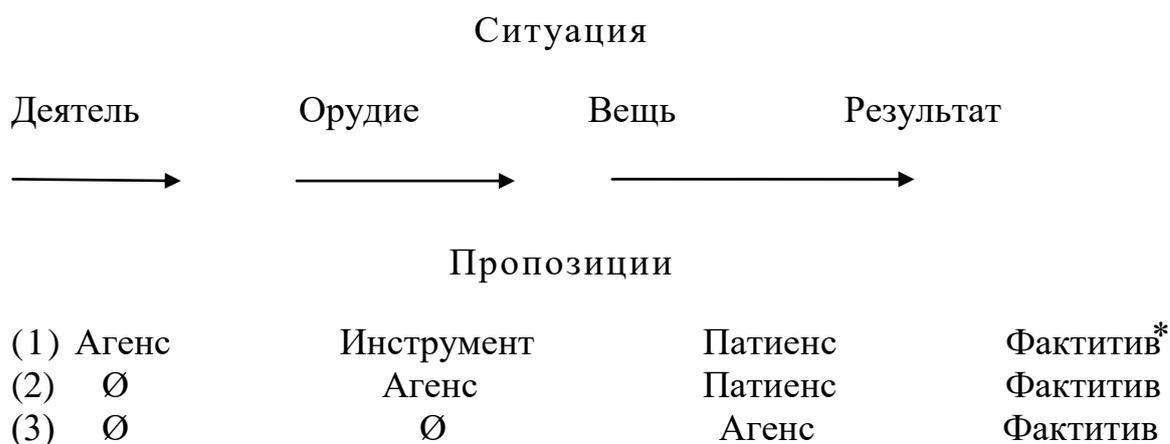
4. Динамические ненаправленные. Допускают обе трансформации – и вставку динамических обстоятельств, и перестановку аргументов.

Некоторые ограничения на отражение ситуаций динамическими направленными пропозициями. Функция пропозициональной структуры состоит в указании на то, как некоторая ситуация рассматривается говорящим, в какой когнитивный разряд он ее зачислил. Состав же предложения указывает на то, какие объективные связи рассматриваются говорящим. Иными словами, пропозициональная структура показывает то, *как*, а состав изображает то, *что* моделируется предложением. Отсюда следует, что денотативная область, т. е. область некоторых объектов с отношениями, на которую указывает лексический состав предложения, выступает ограничителем: а) свободы реализации пропозиционального потенциала предиката, б) семантики предикатных имен, в) возможных вариантов пропозиционального отражения, г) свободы сочетаемости имен.

Особо существенно для понимания синтаксической семантики ограничение (в). Ограничение это связано с тем, что пропозициональное отражение предполагает точку зрения, субъективное отношение говорящего к ситуации. Помещение различных элементов ситуации в определенные аргументные места, и в первую очередь в позицию ведущего аргумента (агенса), например, для пропозиций воздействия, создает определенный способ представления, который отсекает часть ситуации, запрещает появление части имен, называющих отсеченные ситуативные роли, в аргументных позициях. Так, если

мы рассмотрим ситуацию физического воздействия, в которой участвуют производитель, инструмент, объект и результат, то в зависимости от того, кто из них окажется в агентивной аргументной позиции, число аргументов изменится от четырех до двух: 1) *He broke the bottle into pieces with a stone* – четыре аргумента; 2) *The stone broke the bottle into pieces* – три аргумента; 3) *The bottle broke into pieces* – два аргумента. Из данной серии предложений следует, что отношения, связывающие компоненты, по крайней мере, части ситуаций, направлены, векторны, что не позволяет говорящему «оглянуться назад», т. е. включить в пропозициональную структуру элементы ситуации, от которых исходит отношение, если он начинает моделировать ее не с них.

Для предложений (1) – (3) это можно представить графически:

Ограничение на лексическую сочетаемость достаточно хорошо известно. Но выполнять свои ограничительные функции денотативные области могут только в том случае, если сами они структурированы, если в лексическом составе этих областей ситуативные роли распределены.

Таким образом, можно сказать, что денотативные области обязательно отражаются в предложении, по крайней мере, через его лексический состав через ограничения, накладываемые на синтаксические потенции его членов и на способы преобразования всей его структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов, В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
2. *Гак, В. Г.* Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1972 : сб. ст. / отв. ред. С. К. Шаумян. – М., 1973. – С. 349–372.
3. *Вартофский, М.* Модели: Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М. : Прогресс, 1988. – 507 с.
4. *Богусевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богусевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.

5. *Степанов, Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения: семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
6. *Дмитриев, А. Н.* Два уровня синтаксического анализа / А. Н. Дмитриев // Романское и германское языкознание. – Минск, 1980. – Вып. 10. – С. 13–19.
7. *Мартынов, В. В.* Основы семантического кодирования: опыт представления и преобразования знаний / В. В. Мартынов. – Минск : ЕГУ, 2001. – 138 с.
8. *Лещенко, М. И.* Виртуальный и актуальный аспекты предложения / М. И. Лещенко. – Минск : Выш. шк., 1988. – 131 с.
9. *Сильницкий, Г. Г.* Семантические классы глаголов в английском языке: учеб. пособие / Г. Г. Сильницкий ; науч. ред. В. П. Недялков. – Смоленск : Смол. гос. пед. ин-т, 1986. – 112 с.
10. *Чейф, У.* Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
11. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / сост. Н. Н. Амосова [и др.] ; под ред. И. Р. Гальперина. – М. : Сов. энцикл., 1972. – Т. 1 : А-Л. – 822 с.